

Павел П. Полх

Русский университет в независимой Латвии: это действительно было

ОТЗЫВ

на публикацию Сергея Цоя «Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии»// *Русский мир и Латвия: Арабажинские курсы. Альманах/ под ред. С. Мазура – Рига, 2013. Издание общества SEMINARIUM HORTIUS HUMANITAIIS. Вып. XXXII*

Опубликованная в XXXII Альманахе «Русский мир и Латвия» работа рижского историка Сергея Цоя работа, посвященная Русскому институту университетских знаний (РИУЗ), имеет полное право называться книгой. Пусть она еще не вышла отдельным изданием, но объем данной публикации, и самое главное — полнота и логическая завершенность исследования — позволяют утверждать, что перед нами солидный труд, если не исчерпавший тему целиком, то оставляющий возможным ее доработкам лишь уточнять отдельные аспекты бытования русского вуза в столице независимой Латвии в 1920—30-е годы.

Как и любая книга, работа С.А. Цоя может и должна рассматриваться в нескольких контекстах. Это прекрасно понимает и сам автор, который представил отнюдь не хронологическую летопись, излагающую события вокруг создания, развития и прекращения деятельности сначала Русских университетских

курсов (РУК), а затем института, претендовавшего на то, чтобы давать университетское образование. 12 глав его работы — это именно аналитическое осмысление различных сторон бытования учебного заведения, не исчерпывающееся лишь изменением состава факультетов, учебных программ и преподавательского корпуса, но включающее многие (если не все) перипетии борьбы за существование в заявленном качестве и право признаваться высшей школой.

Автор отзыва не видит для себя большой необходимости критически оценивать каждый из выделенных исследователем аспектов жизни РИУЗ: хотелось бы сосредоточиться на трех значимых контекстах: во-первых, места института и работы о нем в истории Русского зарубежья, во-вторых, оценки РИУЗ в плане проблематики «русские в Латвии» и, в-третьих, отношения к самому вузу как социокультурному явлению.

Контекст первый: русское Зарубежье. В последнее двадцатилетие в современной России сложилось целое направление исследований данной проблематики. Изучается не только массивное философское и литературное наследие. Много внимания уделяется именно становлению и развитию социальных связей и интеллектуального «микрокосма», в котором существовали представители т.н. «первой волны» эмиграции, большей частью образованные люди, озабоченные не только тем, как выжить в новых для себя реалиях, но и как сохранить свою национальную идентификацию к моменту возвращения в Россию. «Другая Россия» как в рассуждениях мемуаристов, так и в оценках исследователей предстает миром, который, безусловно, не может быть равновеликим Советской России в экономическом, политическом и социальном (не говоря уже о демографическом) плане, но вполне может рассматриваться как равнозначное явление в развитии гуманитарной культуры.

Феномен русского гимназического и высшего образования в межвоенной Западной Европе лишь подтверждает обозначенный тезис. Среди эмигрантов было немало людей, обладавших столь огромным научным и творческим потенциалом (например, пассажиры знаменитого «философского парохода» 1922 г.), что вопрос о выживании для них просто не стоял — их с готовностью принимали ведущие европейские университеты. Знание нескольких иностранных языков, которое было привычным для большинства выпускников не только университетов, но и технических вузов, делало возможным их интеграцию в самые различные сферы занятости. Однако убежденность в скором изменении политической ситуации в России заставляла многих не торопиться интегрироваться в европейские социумы — в частности, обеспечить своим детям что-либо близкое к русскому образованию — и по языку, и по духу.

В анализируемой книге данный сюжет вынесен на первое место. Подчеркивается, что высшая школа в Праге на русском языке именно ставила целью подготовить правильные образованные кадры для возрожденной России. Нечто подобное наблюдалось в Белграде, Берлине и Париже, хотя в ведущих европейских центрах столь глобальные цели не провозглашались. С.А. Цоя показывает читателю, что в случае с Ригой ситуация видится неоднозначной. Русский мир оказался здесь

не только порождением иммиграции — он существовал здесь и раньше, и не только как семьи чиновников, военных и коммерсантов. Восточная Латвия (Латгалия) оставалась родным краем для многих русских крестьянских семей, в особенности старообрядческих. Латвия оказалась чуть ли не единственной европейской страной, где школьное образование на русском языке было встроено в систему государственной образовательной политики. Последнее обстоятельство неизбежно ставило вопрос о подготовке кадров для русских школ, и поэтому создание университетских курсов выглядело вполне логичным и оправданным.

Вместе с тем, контекст РУК-РИУЗ как островка русского Зарубежья в Европе далее первой главы в книге присутствует не столь выразительно. Да, об университетских курсах-институтах в «другой России» знали. Приглашение И.А. Ильина, несостоявшийся по финансовым причинам приезд Л.П. Карсавина, живой отклик И.А. Бунина на чествование его как нобелевского лауреата, говорят о том, что Рига с ее русским вузом не была блеклым пятнышком на культурной карте русского Зарубежья. Однако вуз во главе со своим создателем К.И. Арабажиным не то чтобы противопоставлял себя чисто эмигрантским учебным заведениям — он жил в несколько иной системе координат, где важно было если не представить себя равным Латвийскому университету, то хотя бы закрепиться за статус учреждения с «конвертируемым» дипломом и правом для его слушателей называться полноценными латвийскими студентами. В этом отношении выглядят совершенно нетипичными для высшей школы зарубежной России празднования дат, связанных со становлением латвийской государственности (автор пишет о них как о необходимой демонстрации лояльности, допуская при этом вполне искренние чувства студентов и преподавателей). Торжества же, посвященные выдающимся деятелям собственно русской культуры, создают впечатление (может быть, и ошибочное) рамочных мероприятий уровня обществ «латвийско-русской» дружбы. И. Кант, судя по материалам автора, чествовался с большим размахом.

Более того, все происходящее вокруг РУК-РИУЗ, сопряженное с личными амбициями русских депутатов Латвийского Сайма, руководителей российских эмигрантских организаций взаимопомощи, шпионскими разоблачениями, вселениями-выселениями из

зданий, принадлежавших владельцам русских частных гимназий, делает картину происходящего не похожей на то, как принято изображать жизнь русской эмиграции где-нибудь в Париже, Константинополе или Харбине. Конечно, амбиций и взаимной вражды хватало и там, и в мемуарах и исследованиях это нашло свое отражение. Но, судя по прочитанному в книге С.А. Цоя, здесь уровень «коммунальных склок» потопил под собой все сколько-нибудь значимые идеи «миссии русской эмиграции». Хотел именно это показать автор или нет, но он убеждает читателя в том, что рижский вуз стремился не к тому, чтобы стать значимым культурным центром «другой России», а к тому, чтобы закрыть нишу высшего образования для русского национального меньшинства в независимой Латвии (подобно указанному гердеровскому немецкому институту).

Контекст второй: русские в Латвии. Собственно, проблематика альманаха, в котором опубликована книга Сергея Цоя, подразумевает то, чтобы на обсуждение была вынесена именно эта тема. Между тем, здесь, и автор где подспудно, а где и явно это признает, многое ясно. Независимая Латвия в 1920-е гг. взялась за нелегкое дело возведения собственной государственности с наиболее совершенными (по политологическим воззрениям своего времени) атрибутами: парламентаризмом, многопартийностью, демократическими выборами, организацией относительно самостоятельного муниципального управления и элементами гражданского общества, предполагающего широкие возможности для самоорганизации самых различных «горизонтальных» социальных связей, в том числе по национальному признаку. Кроме того, собственно латышское население довольно спокойно относилось к русскому меньшинству, не видя с его стороны больших угроз своим национальным интересам. В самом деле, для простого латыша (чаще всего, крестьянина), жившего в дореволюционной России, русский имперский чиновник не создавал столько проблем, сколько немецкий чиновник губернского или уездного уровня, немецкий же промышленник или торговец (зачастую, конкурент), немецкий помещик или управляющий имения, предки которых управляли латышами как крепостными.

Как и любое государство первой половины XX века, Латвия была заинтересована в повышении общего уровня образованности

своих подрастающих поколений: этого требовали и производство, и мелкий бизнес, и армия, и низовые структуры государственного и муниципального управления. Поэтому в существовании частных русских, немецких и еврейских школ и даже их частичном государственном финансировании не было ничего удивительного: напротив, через финансирование проще контролировать содержание обучения, которое обязательно предполагало и изучение латышского языка, и приобщение к системе национальных и государственных ценностей.

Безусловно, высшее образование — это уже совершенно другой уровень. До конца XX столетия в большинстве стран мира приобщение к нему значило претензии на принадлежность к наиболее интеллектуальной части общества, открывало возможности для взлета по социальной лестнице. Правда, как следует из книги, за все время своего существования РУК-РИУЗ так и не добился полного права выдавать дипломы, позволяющие устроиться с ними на службу в государственные структуры и даже преподавать в государственных образовательных учреждениях. В то же время уровень «народных университетов», предлагавших пытливым умам знания (а не дипломы), РИУЗ тоже перерос. И проблема здесь не в поисках латвийских недоброжелателей по отношению ко всему русскому или в желании подчеркнуть статус русского вуза по сравнению с немецким или каким-либо другим.

Вероятно, в ситуации той неопределенности, в которой развивалась латвийская государственность в 1920-30-х гг., по-другому и быть не могло. Появились университетские курсы, их создали несколько подвижников во главе с русским профессором К.И. Арабажиным, к тому же очень лояльно настроенным к действующей власти, — некоторое количество людей оказались при деле (одни учились, другие учили). Далее сложилась парадоксальная с точки зрения здравого смысла ситуация — с одной стороны, в русских школах не хватало учителей, с другой — русских учителей, не имевших латвийского гражданства, из этих же школ стали активно выдавливать. Выпускники РУК оказались востребованы. Уровень обучения (и по составу преподавательского корпуса, и по уровню требований — С.А. Цоя подробно об этом пишет) оказался высоким, но преобразовывать курсы в педагогический институт показалось слишком мелким. Появилось об-

щество содействия академическому образованию (ОСАО), родился РИУЗ. К тому же, дело продвигалось с благословения главы Латвийской Православной церкви отца Иоанна (Помера).

Грянул экономический кризис, государство стало искать возможности для урезания расходов. Усилился национальный момент в государственной идеологии, да и в целом уровень образованности в Латвии возрос. РИУЗ оказался обреченным на вымирание, что, в конце концов, и произошло. Искать опять же злой умысел националистических сил в этом весьма неразумно.

Безусловно, и автор это предчувствует, отсутствие такого посыла не может не создать почву для политических спекуляций. Существовал русский вуз в независимой Латвии, даже государство его частично финансировало — и ничего, рассадником агентов неправильно влияния он не стал, преподаватели были вполне лояльными гражданами Латвии, что доказывается уже тем фактом, что председатель ОСАО С.В. Михайлов в 1941 г. эмигрировал в Германию как муж своей супруги-немки. Судьба тех студентов, которую сумел проследить и представить в своей книге С.А. Цоя, показывает, что большой взаимной любви с советской властью у выпускников РИУЗ тоже не наблюдалось. Возможно ли существование подобного вуза в современной Латвии? Автор прямо об этом не говорит: во-первых, это тема не его исследования, во-вторых, многие люди, понимающие, что такое высшее образование на постсоветском пространстве, резонно зададутся вопросом: а зачем? И, в-третьих, нужно еще раз разобраться, что же это был за вуз.

Контекст третий: университет? Отрицательный ответ на данный вопрос напрашивается сам собой после самого беглого знакомства с работой. Учреждение, арендовавшее площади то у гимназии, то у русского общества, вынужденное организовывать занятия во второй половине дня. Вуз, для которого благотворительные вечера составляют существенную статью доходной части бюджета. Институт, который уборщице платит не намного меньше, чем административным работникам. Три-четыре факультета, максимальное количество студентов, на которых в сумме достигало 103 человека (в 1933/34 учебном году). Наконец, возможность поместить пофамильный список преподавателей, списки студентов с

величиной оплаты либо освобождением от нее, полное расписание занятий в некоторых семестрах в приложении к сравнительно небольшому исследованию.

Сам автор, несмотря на несомненные симпатии к объекту своей работы, не пытается настоять на том, что это был именно Университет. Название, под которым вышел альманах, опубликовавший книгу С.А. Цоя, имеет подзаголовок «Арабажинские курсы» (русскими университетскими курсами оставался РИУЗ при жизни его первого ректора — К.И. Арабажина). Автор солидного исследования «Русские в довоенной Латвии» Т.Д. Фейгмане небольшой параграф посвятила «попытке создания русского высшего учебного заведения»¹. Окончательное название вуза имеет определяющим словом именно институт, каковым и хотело видеть его латвийское министерство образования в начале 1930-х гг.

С позиций сегодняшнего дня понятия «университет» и «институт» также сильно девальвировались. Резкий рост количества негосударственных вузов в России в 1990-е годы привел к ситуации, когда университет с громкими словами в названии мог занимать несколько офисов административного здания бывшего оборонного завода или арендовать в вечернее время учебные помещения у ПТУ; основные дисциплины преподавались подрабатывающими ассистентами и аспирантами государственных вузов, и во главе стоял академик (непонятной академии) без научной степени. Добавим, что такой университет (или институт) быстро превращался в коммерческое предприятие, фабрику по продаже дипломов в рассрочку. В сравнении со всем этим, Русский институт университетских знаний, где преподавал Р.Ю. Виппер — историк с мировым именем, где треть студентов отчислялась именно за академическую неуспеваемость, и администрация, имея неподъемные долги, изыскивала возможности освободить ряд студентов от оплаты за обучение, — скорее пример положительного характера.

Однако не следует забывать и о том, что слово «университет» восходит к слову Universe — Вселенная. В идеале Университет предполагает нечто универсальное, содружество обучающихся и обучаемых, которые ставят и пытаются сообща решить вопросы самого гло-

¹ Фейгмане Т.Д. Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига, 2000. с. 304-308

бального характера, не замыкаясь в решении текущих прикладных задач. В этом смысле РИУЗ реально претендовал на то, чтобы университетом являться. Читаемые курсы, в которых сохранялись традиции дореволюционной русской школы, с должным вниманием как к античной классической культуре, так и к европейской культурной традиции (составной частью которой, безусловно, была и русская), приобщали слушателей к той «университетской» Вселенной, составной частью которой было большинство европейских университетов. Философские диспуты и торжественные мероприятия, проводимые не только ради зарабатывания средств, создавали ту культурную среду, без которой университет как целостное явление невозможен. Как представляется автору отзыва, именно этот контекст понимания университета в книге С.А. Цоя представлен наиболее убедительно, с опорой на огромное количество фактического материала. Думается, что даже такие бытовые вопросы, как льготный проезд на рижском трамвае для студентов или отсрочка от призыва в армию, для университета были важны не столько своей экономической составляющей (все же, призванный студент прекращал оплачивать обучение), сколько стремлением подчеркнуть корпоративный университетский дух, берущий начало еще в средневековой Европе. Возможно, именно поэтому РУК-РИУЗ так упорно держался за слово «университетские» в своем названии.

Нельзя не сказать несколько слов и о Константине Ивановиче Арабажине — фактическом создателе вуза. Наверное, такой человек достоин отдельного исследования. Хотелось бы сказать, что он воплотил в себе все достоинства и противоречия русского интеллигента. Дворянско-помещичье происхождение и либеральное неприятие самодержавия, любовь к русской словесности и рассуждения об отсталости русского народа, приверженность к консерватизму в конце жизненного пути и восторги по поводу независимости Латвии, внешнюю аполитичность и готовность до конца отстаивать собственные представления о справедливости. Однако масштаб его личности оказался еще шире. Очень не многие русские интеллигенты способны так выстроить руководство вузом, чтобы уберечь его от долгов. При жизни К.И. Арабажина финансовых проблем РУК не имели, а вот широта взглядов и разносторонность интересов профессора со-

хранились после его смерти и в РИУЗ. Русская культура присутствовала и в преподавании, и во внеучебной деятельности, но не позиционировалась как цель и смысл существования института.

Контекст заключительный: соображения рецензента. Говорить о том, что книга Сергея Цоя написана на значительном объеме архивных источников, впервые введенных в научный оборот, — констатировать очевидное, понятное даже человеку, лишь пролиставшему данный труд. Заявлять о том, что проведен исчерпывающий анализ содержащихся в документах фактов — брать на себя неоправданно большой риск, поскольку такое количество материала по данной теме никто, кроме автора, в руках не держал. Добавить, что книга написана человеком, знающим и любящим Ригу, — также банальность.

Поэтому обратимся к проблемам, с которыми не мог не столкнуться автор в своей работе. Как сделать так, чтобы значительное количество найденного и пропущенного через себя объема документов и содержащихся в них фактов нашло отражение в работе, и, в тоже время, чтобы самый широкий читательзнакомился именно с историческим повествованием, призванным донести определенные авторские идеи, — это нелегкая задача, которую вынуждены решать историки, начиная с Н.М. Карамзина и заканчивая кандидатами и докторами наук, стремящимися конвертировать свои диссертации в научно-популярные монографии. Решается эта задача всеми поразному. Списки преподавателей, студентов РИУЗ, проводимых мероприятий, расписание занятий — все, что помещено в приложении, могло бы составить добротную археографическую публикацию, которую бы украсили и фотографии, и авторские ремарки. Беда только, что времена, когда публикации документов играли роль «разорвавшейся бомбы», прошли и в ближайшей перспективе не вернуться. Поэтому солидное приложение к тексту выглядит во многом оправданным.

Вместе с тем, и сам текст содержит объемные примечания, составляющие порой 30-40 % текста главы. Примечания разные: здесь и ссылки на архивные источники, и указания на заимствования из литературы и справочников, и биографические пояснения к персонам, появляющимся на страницах книги, а иногда и целые рассказы об эпизодах из жиз-

ни людей, прямо или косвенно связанных с РУК-РИУЗ. Как читать такую книгу? Боязнь автора уйти от обозначенного в каждой главе предмета рассмотрения заставляет выносить интересную, но опосредованную информацию в подстрочник, к которому не всегда есть желание обращаться — может быть, для этой цели разумнее использовать возможности гипертекстовых вставок в повествование? Несколько смущают и пояснения к фамилиям достаточно известных персон: речь не идет о профессорах института, а о таких личностях, как П.Н. Милюков, А.М. Горький, генералы Куропаткин и Юденич — думается, абсолютное большинство потенциальных читателей книги в таких пояснениях не нуждаются. Наконец, вопросы вызывает и «биографический справочник», помещенный после списка литературы. В российской издательской традиции это называется именным указателем. Помещенные здесь в алфавитном порядке персоны

зачастую достаиваются большей информации в сносках в конце главы. Но не это главное — составление именного указателя имеет смысл, если указаны страницы, на которых упоминается та или иная персоналия. Тогда исследователю, использующему монографию, проще найти нужный материал. Хотя нельзя не отдавать себе отчета в том, что в макете альманаха, содержащего не только книгу, создать постраничную навигацию технически очень тяжело (это касается и замечания о гипертекстовых вставках).

Однако все это следует отнести к последующим публикациям, которые, хочется верить, еще впереди. На данный момент можно уверенно сказать: любое последующее исследование русской жизни в Латвии эпохи первой республики, игнорирующее книгу Сергея Цоя о Русском институте университетских знаний, будет вызывать справедливые критические нарекания.